

КОММУНИСТЫ ОДОБРЯЮТ РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА

22 февраля состоялось партийное собрание коммунистов университета. С докладом об итогах работы декабрьского Пленума ЦК КПСС (1966 г.) и задачах партийной организации Казахского университета выступил член бюро ЦК КПК, второй секретарь ЦК КП Казахстана В. Н. ТИТОВ.

В принятой на собрании резолюции горячо одобряются решения декабрьского Пленума ЦК КПСС.

ВОИНАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Накануне Дня СОВЕТСКОЙ АРМИИ в университете прошло торжественное собрание, посвященное 49 годовщине создания наших славных Вооруженных Сил. Офицеров запаса с праздником поздравили проректор университета К. АХМЕТОВ, доцент В. БЕЛОУСОВ, студентка АХМЕТОВА и другие.

ПРИЗЫВАЮ К ПОДВИГУ

Морально крепок и закален человек, знающий историю своего народа и разделяющий со своими предками их беды, их радости и горе. История воспитывает событиями одно поколение так, чтобы пережитое никогда не возвращалось, но чтобы поучало, направляло следующие. В сопротивлении злу, насилию, подлости крепнет человечество. Ис-

тория готовит к сражениям за человечность новые и новые поколения. То, что сохранилось в летописях, донесено до наших дней суровым и неподкупным голосом истории, полно высокой нравственной красоты и героизма. По сути дела, каждый, кто готовит себя к сознательной одухотворенной жизни, может отыскать множество примеров в прошедшем, чтобы следовать им. Несомненно, что сейчас история призывает собрать воедино весь предшествующий героический опыт, чтобы подняться на новые вершины человеческого мужества, мысли и дела. Героями нужно быть и теперь. Необходимо помочь молодежи находить героическое в жизни.

Надо преградить путь стремлению прожить жизнь без столкновений, без конфликтов, без потрясений. Нельзя позволить молодежи склониться к тому, что жизнь можно прожить незаметно. Надо научить видеть героическое во всех событиях, что совершаются сейчас в нашей стране. Надо доказать, что люди прекрасной решимости, крепкой революционной воли и сейчас бы гремели так же, как гремели в годы гражданской войны, в годы, когда время неудержимо рвалось вперед. Эти люди и сейчас бы нашли прищипку, чтобы совершать титанические деяния. Доказывать это надо биографиями героев.

Особенно благодатный материал для воспитания героизма представляет собою Великая Отечественная война. Это — самая близкая, исторически весомая эпоха испытаний. Мы знаем о ней столько, сколько не знаем ни о каком другом времени. Еще живы свидетели, непосредственные участники — герои войны. Помимо всего, важнейшее — эта эпоха обнажила такие глубины героизма и самопожертвования, которыми были превождены все прежние века. Подлинное мужество бессмертно. Оно перешло в сердца тех, кто узнал о подвиге. Что из того, что почти четверть века пролегла между нами и теми днями? Подлинное мужество таково, что оно, как зна-

мя, передается поколениям. Ушедшие из жизни, воспитали нас. Они воспитали нас своей смертью. Мы судим о многом иначе, мы зрели по-другому, но мужество, которым обладали они, перешло в наши сердца. Мы будем хранить его неостывающим, чтобы передать потомкам. В грядущие годы, в походах к иным звездным мирам не раз потребуются мужество, решительность, самопожертвование. И наши потомки, воспитанные нашей мужественной жизнью, также найдут в себе силы, чтобы быть храбрыми, не жалея собственной жизни, чтобы продлить человечеству путь к будущему.

М. СТЕШИНА.

Его знает каждый. Владимир Иванович ФУРСОВ! Солдат! Ученый! Солдат на развалинах крепости! Лесендарной Брестской! Ее он защищал в жестоком СОРОК ПЕРВОМ. Когда говорят камни, мужчины не плачут, мужчины седеют. Когда говорят камни, руки мужчин ощущают теплый пепел, оставшийся в них навсегда... Когда говорят камни и, глядя на них, кричат глаза мужчин, я вижу в расширенных зрачках не ужас воспоминания, а гневную силу спасенного поколения. Раиса ЮФЕ.

КАЗАХСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ

КАЗАХ УНИВЕРСИТЕТИ

23

ФЕВРАЛЯ
1967 г.

№ 7-8 (690-691)

Орган парткома, ректората, комитета комсомола, месткома и профкома Казахского государственного университета им. С. М. Кирова

Цена 2 коп.

49-я годовщина Советской Армии и Флота

23 февраля 1967 года советский народ, трудящиеся социалистического содружества и все прогрессивное человечество торжественно отмечают 49-ю годовщину Вооруженных Сил Союза ССР.

У нынешнего праздника — свои неповторимые черты. Это первый праздник Советских Вооруженных Сил после XXIII съезда партии. Он отмечается в обстановке, когда наша страна вступила в пятидесятилетний юбилей существования Советской власти.

Родившиеся 49 лет назад в жестоких схватках в защиту Великой Октябрьской социалистической революции, Советская Армия и Военно-Морской Флот выросли и окрепли в пороховом дыму жестоких сражений. В годы гражданской войны молодая Красная Армия наголову разгромила бело-гвардейские полчища Каледина, Краснова, Дутова, Корнилова, Деникина, Петлюры, Колчака, Деникина, Врангеля. Она изгнала из пределов советской земли австро-германских, английских, американских, французских, бело-польских, японских и иных империалистических интервентов. Были ликвидированы контрреволюционные банды Махно, Антонова, Семенова, басмачей, дашнаков, муссавитов.

Суровые испытания легли на Советскую Армию, на наш народ в Великую Отечественную войну. 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Советская Армия и Военно-Морской Флот вступили в смертельную схватку с врагом. Никогда ни одна страна не подвергалась таким испытаниям, как Советский Союз. Гитлер и его сообщники намеревались полностью уничтожить первое в мире социалистическое государство.

1418 дней и ночей наш народ и его Вооруженные Силы вели ожесточенную борьбу с фашистскими захватчиками. С первых часов войны советские воины храбро сражались с фашистскими захватчиками. Лесендарный гарнизон Брестской крепости, например, более трех недель отбивал атаки врага.

Ярким проявлением советского патриотизма стало массовое партизанское движение, охватившее всю оккупированную врагом территорию.

Героическим трудом рабочих, крестьян и интеллигенции для советских воинов ковалось грозное оружие. За четыре года войны наша промышленность произвела 490 тысяч орудий, более 102 тысяч танков и самоходных орудий, около 137 тысяч боевых самолетов, что почти вдвое больше, чем произвела гитлеровская Германия.

У стен древней Москвы враг встретил неодолимую силу. В боях за Москву враг потерпел первое крупное поражение. Именно здесь занялась заря великой победы нашей Родины в Отечественной войне.

Огромную роль в достижении победы над врагом сыграла также героическая оборона советскими воинами Ленинграда, Одессы, Севастополя, Киева. Никогда не сотрется в человеческой памяти великая Сталинградская битва, где наступил коренной перелом в Великой Отечественной войне. Замечательные победы на Орловско-Курской дуге, в битве на Днепре, в последующих наступательных операциях и в величайшем сражении за Берлин поставили фашистскую Германию перед фактом безоговорочной капитуляции, продемонстрировали перед всем миром величайшую доблесть Советских Вооруженных Сил.

В послевоенный период перед Советскими Вооруженными Силами встали новые, более сложные задачи. В боевом содружестве с братскими армиями социалистических стран они призваны надежно защищать мировую систему социализма.

Сила нашей Армии и Флота не только в грозной боевой технике и новом оружии, а, главное, в замечательном всестороннем развитии личного состава.

Личный состав Вооруженных Сил живет едиными интересами и помыслами со всем советским народом. Он знаменует собой традиционный праздник — 49-ю годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота — новыми успехами в боевой и политической подготовке.

В. ЛАПЧЕНКОВ.

Рассказывают

очевидцы славных дел

Ленинский декрет

13 декабря 1917 года впервые из разрозненных отрядов Красной гвардии заводов Петрограда по решению Петросовета был создан крупный сводный отряд для борьбы с белогвардейщиной юга России и петлюровщиной на Украине.

Наш сводный отряд, состоящий из рабочих столицы, был направлен в распоряжение командующего Южным фронтом тов. Антонова-Овсеенко.

В Харькове сводный отряд был разделен на два отряда, первый направлялся на освобождение от петлюровцев г. Киева и второй, в котором находился я, был послан на освобождение г. Екатеринославля.

После освобождения г. Екатеринославля наш отряд был вынужден разоружать казачьи полки, возвращавшиеся с Южного фронта на Дон. Казаки возвращались на Дон в железнодорожных эшелонах в полном вооружении и, естественно, были бы использованы белогвардейским командованием против Красной гвардии.

В январе наш отряд был направлен на Дон против белогвардейских частей, которыми командовал генерал Каледин. В кровопролитных боях наш Красногвардейский отряд выбил белых со станции Матвеев Курган, из г. Таганрога и освободил г. Ростов-на-Дону.

С радостью мы узнали, что с захватом Ростова, не выдержали нервы окружного атамана казачьих войск генерала Каледина — и он застрелился.

Белая армия уже под командованием генерала Корнилова начала свой знаменитый «Ледяной отход на Кубань».

Здесь надо было со всем напряжением использовать все красногвардейские отряды для разгрома остатков белой армии, отходившей на Кубань. В это время были получены сведения, что Петрограду угрожают немцы, и лозунг «Все на защиту Петрограда» вызвал бурный митинг. Отряд требовал немедленного возвращения в Петроград, для его защиты.

Командующий Южной группы тов. Сиверс разрешил вернуться в г. Петроград.

Декрет товарища Ленина о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии был получен в пути следования в Петроград на станции Лихославль.

С большим воодушевлением отряд принял декрет Ленина. На митинге постановили влиться в состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии и защищать Советскую власть до полного разгрома белой армии.

Рабочие Петрограда сдержали свое обязательство, они с честью дрались на всех фронтах Гражданской войны.

Красногвардейские отряды, где основная прослойка состояла из рабочих заводов Петрограда, Москвы и других городов России, с революционным сознанием, не жалея жизни, отстаивали Советскую власть. Но слабая военная подготовка, отсутствие элементарных знаний тактических приемов, стоили много крови. Выборность командиров, решение боевых задач митинговым путем — все это не способствовало победе перед хорошо обученной, вышколенной, состоящей зачастую из офицерских частей белой армии.

Революции нужна была своя, обученная, дисциплинированная Рабоче-Крестьянская Армия, и Ленин первый это предусмотрел в своем декрете о создании Рабоче-Крестьянской Армии, 49-ю годовщину которой мы и празднуем 23 февраля этого года.

И. ВЕСТФАЛЬ,

полковник в отставке.

Я иду по коридорам университета. Студенты... Вот идут двое, споря о чем-то на ходу, там, в углу, собралась группа веселых парней и девчат, время от времени их компания взрывается молодым, жизнерадостным смехом, а тут, зажав маленькими ладошками уши, читает книгу девушка...

... Студенты...

Вот так же носились по коридорам, спорили до хрипоты, учили до помрачения мозгов перед сессией, беззаботно наслаждались всеми благами каникул, и мы — студенты войны.

22 июня 1941 год. С нашего курса взяли сорок человек. Прощание... и мы на кратковременных курсах зенитного училища.

Время наложило свою руку на нас. Чувство ответственности за судьбу Родины как-то внутренне собрало курсантов. Как только закончили училище, нас тут же перебросили в Москву.

Приехали туда вечером... Небо исполощено лучами прожекторов, разрывы снарядов... Мы знали об этом только из книг, да кино... Читать — это одно, быть участником — другое.

Долго в Москве не задержались. Через 4 часа мы уже двинулись в Можайском направлении на Малый Ярославль с артиллерийским полком. Прибыли на место вечером. Кругом пули свистят, бухают взрывы... В первое время было просто страшно...

Стоял вопрос: быть или не быть Москве в руках немцев? Тяжело было не только нам. В октябрьскую распутицу, в грязь и морозные дни ноября 1941 года тысячи и тысячи москвичей копали противотанковые рвы, траншеи, устанавливали надолбы, сооружали баррикады, заграждения. И это вливалось в нас такую ненависть, ярость к врагу, что, идя в бой, солдаты готовы были зубами рвать фашистов.

Нам, зенитчикам, приходилось в Сталинграде...

то время стрелять как по самолетам, так и по танкам... Убивали одного нашего парня, на его место, скрипя зубами, вставал товарищ... Немецкие «ассы» прямо ползали над головами... как из мешка смерти они сыпали бомбы... Самолетов наших было еще мало... Но мы стояли.

Раскидало нас, студентов-воинов, в разные стороны... но иногда все-таки удавалось встретиться... Встречи, встречи, встречи... Наша батарея охраняла аэродром шестой Воздушной армии. Самолеты всегда находились в боевой готовности. То и дело они взлетали в кажущуюся

вать... оно о себе напоминает... Мы не хотим, чтобы снова опустели аудитории, чтобы девушки снова рыли окопы, траншеи... Этого не случится: Пурукой — Вооруженные Силы и Военно-Морской Флот. У них есть все, чтобы никто не осмелился нарушить границу нашей Родины. Вам остается только хорошо учиться. Учиться всему. Учиться за тех, кто не успел доучиться, довести до конца их дело. За вами БУДУЩЕЕ! Будьте достойными тех парней, которые погибли за вас.

И. ОСПАНОВ,
подполковник.

УХОДИЛИ СТУДЕНТЫ НА ФРОНТ

Каждый раз самолеты со свастической неожиданностью появлялись из-за сопки. Решили мы их проучить. На вершину был послан сержант Полков с пулеметной установкой. Долго не пришлось ждать. Тяжелый бомбардировщик «Хенкель-III» вывалился прямо на Полякова. Резанула очередь — и крыла как не бывало. Стервятник взорвался перед нашей батареей. Поляков был награжден Срденом Красного Знамени.

Так мы воевали...

...С декабря наши войска перешли в наступление и продвинулись на 40 километров. Как стало позже известно, это была первая попытка Советских Вооруженных Сил перейти в контрнаступление. Мы почувствовали, что, отступлению конец... Затем били немцев под Ленинградом,

в Сталинграде...

синеву неба... Взлетали... и многие не возвращались... Этим парням было по 20—25 лет. Они знали, за что отдавали жизнь... Не вернулся однажды и Тимур Фрунзе. Тимур приходил ко мне в землянку... Она считалась лучшей, так как в ней был электрический свет. Приходил в свободные минуты, а их было очень и очень мало. Тимур был хорошим товарищем... Он возвращался с задания, и его догнал «мессершмид»... Мы похоронили его рядом с батареей.

Умирали парни в расцвете лет, не доучившись, не долюбив... Сейчас это кажется кошмарным сном...

Цветы, смех, дети, счастье... Студенты учатся, не зная забот. У нас тоже так было. Но не надо забывать прошлое.

... Да и оно само не дает забы-

«Лишь сумма преодоленных препятствий является действительно правильным меридианом подвига и человека, совершившего этот подвиг».

Стефан ЦВЕЙГ.

«Надо так жить и так действовать, чтобы в грядущих торжествах победы не чувствовать себя сиротой».

Эффенди КАПИЕВ.

«Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру».

А. В. СУВОРОВ.

«Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти».

В. ХЛЕБНИКОВ.

ТРИ ВЕХИ УПОРСТВА

ТУТ НИЧЕГО БЫ НЕ СТОЯЛО...

ПРОЩАЙ: ТРУБА ЗОВЕТ...

МЕТЕЛЬ завывала пронзительно и беспокойно. Вокруг ни души, ни огонька, да вдобавок ничего не видно. Снег, смешавшись в буйном вихре с воздухом, залепил глаза, уши, нос. Становилось трудно дышать. Правая рука начала немеет от холода. Лешка остановился, поднял горсть легкого снега и стал быстро тереть замерзшие пальцы. Через минуту он почувствовал острые колки — мороз отпуская заколеченную руку. Он шел, не зная куда; где-то впереди должен стоять вагончик, в котором жили такие же отъявленные нелюбители спокойного существования.

Становилось страшно; прошел уже час, как он вышел в метель. Он проклинал и эту выюгу, и адскую холодину, которая особенно сильно давала себя чувствовать рукам и ногам. Он старался не думать об этом, но перед глазами настойчиво стоял отец и что-то говорил Лешке, своему семнадцатилетнему сыну. Отец тогда говорил о трудностях, о том, что Лешке не под силу будет суровый казахстанский край и суровая степь. Лешка понимал отца: он не отговаривал, он хотел только знать, серьезно ли решение сына, подумал ли он, на что идет...

... Ребята с удивлением уставились на пришельца. Кто-то даже присвистнул от удивления, мол, ну и малец, в такой буришке добрался... Сначала подумали, что он случайно забрал к ним: мало ли что в степи бывает. А когда Лешка, согрешившись немного, сказал, что приехал из стройку, один из них, тяжело вздохнув, бросил: — Романтики захотелось... Ну-ну!

В эту же ночь на стройку пришел вагон с цементом, но Лешка не мог двинуть даже пальцем. Лешка наблюдал, как ребята, проклиная все и вся, последними словами обругав мороз и метель, по одному уходили из вагончика. Он снова подумал, что легко ему не будет...

Поначалу он определился грузчиком. Днем и ночью, в любую погоду, теперь уже с ребятами, выходил разгружать цемент, лес или еще что-нибудь, чтобы под утро, хлебнув наспех чаю, мертвым от усталости повалиться в кровать. Через некоторое время он стал слесарем; им и остался до конца работы на строительстве в Темиртау.

Через несколько лет Лешка снова приехал в Темиртау. Это был уже город, большой индустриальный город. Он ходил по его улицам, сморгал на прохожих и невольно думал: как это здорово, когда твои руки успели кое-что сделать...

СТАРШИНА придирчиво оглядел его: чисто выбрит, подтянут, сапоги — зеркало. Молодец, парень, так и держи, — подумал он, а вслух скомандовал:

— Рядовой Петровский, к командиру роты. Лешка служил последний год. А третий год в армии — это когда солдат почти совсем отвыкает от «гражданки», когда он заправски несет службу, ходит по воскресеньям в увольнение. Еще в конце первого года ему вручили знак отличия Советской Армии. Служба вошла в привычку. Изредка получал он письма из дому, от друзей, иногда получал письма от знакомых деда. Его выбрали комсоргом. Те, кто жил в казарме, знают, что комсорг в армии — это нечто особенное, отличное от «гражданки», потому что на него смотрят двадцать четыре часа в сутки солдаты, которые рядом, с которыми он дышит одним воздухом...

— Товарищ капитан, рядовой Петровский по вашему приказанию прибыл, — отчеканил он.

Недолгий задушевный разговор. А под конец командир роты попросил его провести собрание в батарее. Очень скоро будут учения...

Неестественно громкий голос дневального, как выстрел, ворвался в спокойные сны солдат.

— Тревога! Подъем! Тревога!!!

Через некоторое время машина, тяжело фыркающая мотором, увозила их в непроглядную темноту.

Когда солдата подымут по тревоге, он меньше всего думает учебная она или настоящая. Война тоже начинается с тревоги...

Противный дождь, нудный и мелкий, казался никогда не кончится. Рядом сидели его товарищи, притихшие, думая о чем-то своем.

Он не заметил, как машина забуксовала в глубокой луже. Спрыгнув, осматрелся: впереди сопка, позади железная дорога. А время идет...

— А ну поднажми, ребята! — раздался голос командира.

Плечом упершись в борт машины, Лешка изо всех сил толкал ее. Рядом с ним, также по пояс в воде, промокшие и усталые, стояли его товарищи.

— Раз, два — взяли! — кричал вместе с ними Лешка. И бесцельная машина наконец поддалась, она медленно вылезала из грязи...

Уже потом, вернувшись с учения, он услышал свою фамилию в приказе. Командир части объявлял ему, рядовому Алексею Петровскому, благодарность за усердие, проявленное во время учений.

А еще через некоторое время ему дали рекомендацию в члены партии.

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК В ГАЗЕТЕ...

ЛЕШКА с удовольствием потянулся. Сегодня не надо спешить в университет, не надо бежать в библиотеку; экзамены сданы, впереди каникулы. Целых две недели отдыхать!

Нелегкой была последняя сессия, но в зачетке его снова появились три отличные отметки.

Для студента факультета журналистики одних — понятие довольно своеобразное. Это, значит, бегать по заданию редакции, встречаться с людьми, писать о них по вечерам, а утром все начинать сначала... Как это в песне поется: трое суток не спать, трое суток шагать... Да, всего лишь ради нескольких строчек в газете.

Он часто задает себе вопрос: не ошибся ли, поступив на факультет журналистики? Вспоминает, как первый раз принес в редакцию небольшую зарисовку о друге-строителе еще там, на Магнитке. Потом он стал своим человеком в редакции, его уже считали «нашим» корреспондентом. Писал и в армии. Там же приняли его в Союз журналистов. Это значило, что Лешка кое-чему научился. И в армии он твердо решил учиться, хотя его приглашали на постоянную работу в редакцию.

А потом незаметно полетели студенческие будни; иногда веселые, иногда грустные, но чаще всего беспокойные, со своими многочисленными лекциями, семинарами, сессиями. За эти прошедшие полтора года Лешка как следует усвоил одну мысль: если ты пришел учиться — учи, если ты хочешь стать журналистом — пиши. Учись и пиши — это его правило, его студенческий агрибут. А понимать это надо так: отлично учишься, отлично пиши...

... Три вехи упорства: Сколько их еще будет в жизни. Но если их прокладывают такие, как Алексей Петровский, значит порядок, значит потом, через годы и годы они, эти вехи, вытянутся бесконечной прямой трудной и интересной жизни.

Б. МУЛЛОКАНДОВ.

ЕГО ИМЕНЕМ НАЗВАНА УЛИЦА

В июле 1966 года выпускники отделения журналистики нашего университета возвращались с озера Иссык. Последний день группа была вместе. Договорились встречаться без напоминаний через каждые пять лет, 3 июля в 6 часов вечера на Площади цветов. Наш бессменный староста Олег Гиндин сказал: «Ребята, я закопал на берегу озера под деревом бутылку. В ней записка. Через пять лет прочтем. Я написал о том, что желаю каждому из нас. Сбудется ли это? Я верю, что сбудется. Ведь я пророк».

Прошло пять лет. Почти все наши собрались в назначенное время, в назначенном месте. Все нашли свою дорогу в жизни: одни стали корреспондентами республиканских и областных газет, другие — работали на радио и телевидении. Все остались верны избранной профессии. Не было только среди нас бывшего старосты, заводилы, души группы, инициатора этой встречи Олега Гиндина.

Он погиб, спасая жизнь другому. Это было так:

Олег шел по берегу Иртыша. Вдруг услышал крик тонущего ребенка. Не раздумывая ни мгновенья (хотя он не умел плавать), Гиндин бросился в реку. Ему удалось спасти девочку.

В Барнауле есть улица Олега Гиндина, в редакции, где он работал, висит его портрет, в «Сибирских огнях» напечатана повесть о нем. О нем передавала очерк радиостанция «Юность». В очерке и повести рассказывается об Олеге — журналисте: талантливом, принципиальном человеке.

Я рассказываю об Олеге — студенте. Ему было двадцать лет, когда он

пришел в университет. Половину студентов нашей группы составляли бывшие фронтовики, остальную — вчерашние школьники. Но те и другие сразу полюбили паренка среднего роста, с густой щипкой черных выходящих волос. Девочки уважали его за «джентльменское» обращение, ребята — за твердость характера.

Олег был самым начитанным, способным студентом группы. Он любил и хорошо знал не только гуманитарные науки. Прекрасно разбирались в математике, химии, радиотехнике. Он два года учился в Томском политехническом институте, но тяга к журналистике была настолько сильной, что Олег не стал жалеть двух лет, а заново сдал экзамены в КазГУ.

Я несколько не преувеличу, если скажу, что Олега знали и любили не только на филологическом факультете. Его знали по стихам в стенгазетах и многотиражке. А кто придумал слова и музыку лучшей студенческой песни университета тех лет, кто придумывал самые забавные игры на вечерах? Конечно, Олег.

В нем билась такая радость жизни, что она захватывала остальных. Не помню, чтобы за пять лет какое-нибудь событие в группе, на факультете прошло без участия Олега: будь то принципиальное обсуждение какого-нибудь вопроса или просто организация похода в горы, театр и т. д.

Он был требовательным к себе и к товарищам. Не терпел лжи, занятизма, презирал лень. Пропустить лекцию без причины в группе считалось проступком. Олег не прощал этого даже друзьям, жившим с ним в одной комнате. Тон в группе задавали фронтовики. Они прошли вой-

ну, потом наспах доучивались в вечерних школах, многие экстерном сдавали на аттестат. Их стремление не потратить зря ни одной минуты в университете, все понять, прочесть, изучить передавалось и другим. Группа была самой дисциплинированной на факультете. В этом определенная заслуга была бессменного нашего старосты — Олега.

Олега уважали не только студенты. С его мнением считались преподаватели. Был такой случай. Лекция по философии нам читал аспирант. Читал очень плохо. Студенты стали пропускать занятия, а некоторые предлагали вообще не ходить на философию: преподаватель, мол, сам поймет. «Нет, это не выход», — сказал Олег. — Мы учиться пришли, а не филофонить. Со следующей недели у нас будет другой лектор».

Действительно, философию нам стал читать квалифицированный преподаватель. Оказывается, достаточно было Олегу поговорить с заведующим кафедрой, и студентам пошла навстречу.

Безграничным доверием пользовался Олег Гиндин в группе. Об этом говорит следующий факт. К нам перевелось несколько студентов с другого факультета. Вскоре началась сессия. Первый экзамен надо было сдавать полуслепому преподавателю. Он у нас принимал и раньше экзамены. Его предмет мы готовили тщательнее, чем другие. Отвечать такому преподавателю на «посредственно» было по-человечески стыдно. У студентов даже не возникало мысли, что можно открыть книгу или конспект. Экзамен, как обычно, сдали хорошо. Не осрамылись и новички. Прошло два дня. Вдруг кто-то из студентов обратил внима-

ние на доску: на ней поблескивали какие-то надписи. Стали читать. Оказалось, все даты, фамилии, названия произведений, имена героев (именно то, что мы сдавали) были карандашом написаны на доске. Такой шпаргалкой мог пользоваться только тот, кто ее составлял. Непосвященному заранее было невозможно ориентироваться в огромном количестве цифр, имен.

Все стали возмущаться, шуметь. — У нас только один выход, — сказал староста. Тот, кто это сделал, пусть извинится перед преподавателем, в первую очередь, а потом перед группой.

Все молчали и терзались догадками «кто бы это мог сделать?». За четыре года первый случай такой.

— Есть другой выход — устроить перезаменовку всем. Кто сдал честно в первый раз — сдаст и во второй, — предложил Олег.

Такое сказать мог только человек, уверенный что его поддержат. Этого не ожидали авторы шпаргалки. Олега поддержали все, только новички молчали. Увидев, что против всех не пойдешь, они сознались.

С первого курса у нас во время сессий было заведено так. Если первой придет девушка, то сначала экзамен сдают девчонки, а затем ребята. За право сдать первыми экзамен шла какая-то борьба. Она здорово поднимала настроение во время сессии.

Однажды девчонки сказали ребятам: «Эта сессия наша. Заранее говорим, что первые сдадим».

В день экзамена мы встали в пять часов, в университет пришли, когда дверь еще была закрыта.

— Тетя Настя, — позвали мы вахтера.

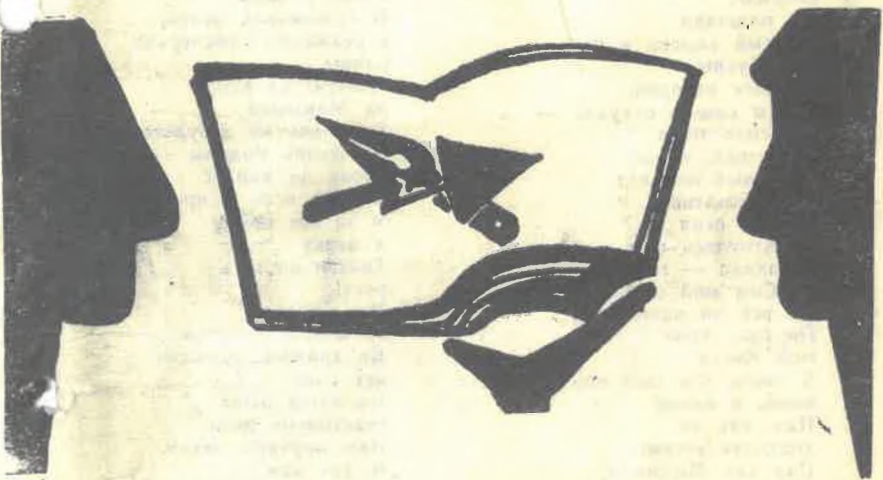

— Вы что обалдели, — сказала женщина, открывая двери, — раньше такая. Если бы не мороз, не впустила бы, — добавила она.

Мы бросились к аудитории. Открыли дверь и... Посреди комнаты с безразличным видом восседал на стуле Олег. Увидев нас, он галантно раскланялся: «Дорогие синьорины. Вы пришли слишком поздно. Но мое благородное воспитание не позволяет обижать женщин, поэтому уступлю вам перенести». Ночевать в пустом университете — такое выкинуть мог только наш Олег.

... В следующем году опять соберутся мои сокурсники в 6 часов вечера 3 июля. И опять первым тостом будет: «За таких, как Олег Гиндин, талантливых, жизнерадостных и смелых».

Л. ФЕДОРОВА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

ИДЕТ Всесоюзный КОНКУРС

В целях глубокого творческого изучения студентами университета революционных традиций партии и народа, великого ленинского наследия, материалов XXIII съезда КПСС, теории и практики коммунистического строительства, вопросов участия в нем молодежи, для дальнейшего развития научно-исследовательской работы студентов в области общественных наук, активизации и участия в пропагандистской и воспитательной работе ЦК ВЛКСМ и Коллегия Министерства высшего и среднего специального образования СССР решили провести в 1967 году Всесоюзный конкурс студенческих научных работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения, посвященный 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Выдвинутые на конкурс студенческие работы должны представлять собой самостоятельно выполненные работы по актуальным проблемам общественных наук, с использованием широкого круга произведений классиков марксизма-ленинизма, общественно-политической литературы, с привлечением местного и современного материала, данных конкретных социологических исследований. Конкурс проводится в три тура. Первый тур состоится с 1 по 10 апреля 1967 года в форме университетской научной студенческой конференции.

Второй тур будет проходить в апреле-мае 1967 года в университете в форме республиканской межвузовской научной студенческой конференции.

Третий тур конкурса проводится в октябре 1967 года в форме Всесоюзной научной конференции студенческой молодежи в Ленинградском государственном университете.

Лучшие научные работы студентов КазГУ будут отмечены объявлением благодарности в приказе ректора, грамотами комитета комсомола, денежными премиями и ценными подарками.

Победители Всесоюзного конкурса будут награждены памятными медалями, почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Лучшие студенческие работы будут опубликованы в специальных сборниках и брошюрах, а также в виде отдельных статей и материалов.

В. СТЕПАНОВСКИЙ.

«Чтобы о славе судить, надо знать, как она достается».

(К. СИМОНОВ)

ЧЕЛОВЕКУ не безразлично, что скажут о нем потомки. Поймут ли, оценят? Или, перечеркнув все сделанное, забудут?..

Студенты первых лет революции не знали, что станут историей. Они не думали, что через много лет другие двадцатилетние будут читать о них, вглядываться в их лица на пожелтевших фотографиях, восхищаться их делами, завидовать им. Не знали они, что их жизнь, их поступки опрокинут признанные старой моралью понятия о человеческой сущности. Они не могли сами дать оценку своей жизни. Это сделала история, отведя им почетное место в своей бесконечной книге. Но они, в те суровые двадцатые годы, тоже мучались и терзались сомнениями — что скажут о них последующие поколения. Человеку очень важно, каким он предстанет перед потомками.

А потом прогремели на всю страну неведомые до тех пор слова: Комсомольск-на-Амуре, Днепродзержинск, Мухоморов. Стали обычными для студента понятия — воскресник, субботник, ударная работа...

И опять никто не думал о вечной славе. Просто, получив комсомольские путевки, брали в руки кирки и лопаты.

А пришло время — сменили их на оружие. Главным было:

«Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой!».

Эшелоны с востока на запад. Рабочие, колхозники, учителя, домохозяйки... И студенты покидали свои институтские аудитории. Огненными дорогами войны, партизанскими тропами шли они навстречу нам, потомкам, чтобы передать эстафету славы.

Первым быть трудно. Это аксиома. И первая попытка, какая бы она ни была, всегда остается первой — взлет ли это на новом сверхзвуковом самолете или первый построенный дом. Это явления одного порядка, хоть и разных категорий трудности.

... Нудно и тряско машины нылят по дороге, подминая под себя километры. Почти три часа между равных и одинаковых порывевших холмиков. Позади остался поселок Ир-

Быть первыми действительно трудно. Особенно, если все, что встречаешь в пути, первое. Многие, в том числе командиры, комиссары и захвоты, впервые приехали на целину. После первого курса. Впервые отбрасывали имя собственное и назывались нарицательно — плотник, каменщик, шугатур... Первый раз строили дом. Первый дом.

От этого, если вздохнуть и почувствовать все сразу, голова пойдет немного кругом...

1966 ПЛАНЕТА ЦЕЛИНА 1967

тышское — Большая земля. Как-никак там и дома, и электричество, и баня. И кино. И самолет прилетает регулярно, каждый день.

А впереди... Отделение совхоза «Селетинский». Даже название какое-то необычное. В прошлые годы там было всего несколько домиков. Для чабанов. И все. В этом году нужно построить целых пять.

Значит потом можно считать себя старожилками. Вспоминать, как работали здесь, когда на отделениях по сути не было ничего.

Средний возраст в отряде — двадцать. Большинство — парни. Было несколько и девчонок. (В дальнейшем убедились, что их общество действительно обогащает). На кухне появилась печь — устроено быта можно считать оконченным. Потом, в «хозяйстве» появились 2 коровы и несколько баранов. Больше, кажется, и желать нечего...

И все-таки быть первыми — это необходимость. Порой даже будничная. Как здесь.

Действительно, что особенного. Работа есть работа. Каменщики. Плотники. Шугатурилы, конечно, девочки, во главе с Ларисой Булатовой. Вот и все. Не надо никакой романтики. Смوتри на вещи просто. И делай свое дело. Без лишнего шума. А потом... может вспомнишь...

Подъем вначале был в 6—30. Потом — 6-00 — потеснили сон на полчаса («потом отоспимся»). Вместо зарядки зачастую грузили машины с кирпичами. Да и вообще для работы взяли принцип студенческой стройки: «Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит».

Ритм стройки — с первого дня быстрый — не менялся, разве что в сторону ускорения. Ну, а сюрпризы были (да и как без сюрпризов на целине!). На первом домике два раза перекладывали стенку, долго «во-

зились» с крышей. Дом первый, стены и крыша тоже первые. Где тут возьмешь опыт. Если бы не «старички» (ребята с 2 и 3-летним целинным стажем), то, может быть, перекладывали бы и по пять раз. Заго потом, как на заводе, конвейером. Главное — не бросить. И не сделать кое-как, если кое-как выходит. Самое честное — переделать. И перекладывали. Это даже не было законом. Это было просто в порядке вещей. Иначе нельзя.

Работа, работа. Такая простая внешне, она наваливает на спину и плечи тяжелый груз, который надо вынести. Она заливает лицо потом. Покрывает губы серой соленой коркой. А ведь им всего-то по двадцать (в среднем). Они сами захотели этого: усталости и пота. В этом поединке кто-то должен уступить. Они не уступят. И работа становится легче. Радостнее. Уже можно и запеть. И на свою простую работу идешь, как артист на премьеру — с радостью и волнением. И если стена подросла под твоими руками — ты счастлив.

Когда-нибудь в историю совхоза впишут. «В июле приехали в совхоз студенты КазГУ, факультетов журналистики и филологического. 43 человека. Они построили 5 домов и кошару». Наверное, стояло бы и их имена вписать в эту летопись. А может и не стоит? Пусть они останутся просто алма-атинцами, просто «казгушниками», бойцами студенческого строительного отряда.

Сейчас, когда вспоминаешь прошедшее, — невольно задумываешься — не это ли связь поколений? Не это ли продолжение подвига, начатого тогда, 50 лет назад отцами и дедами.

Подвиг вроде бы и незаметный, будничный, но тоже подвиг.

Нам вручают весло

ПОЭМА

ЛИ-
ТЕ-
РА-
ТУР-
НАЯ

СТРА-
НИ-
ЦА

1.

МАТЕРИ снились
Реки, дождики,
Сын в бессильи
Падают с лошади.
И воды мутные
Несут к мельнице
Тело вздутое.
Воды пенятся,
Вот в лучах косых
Слив дощатый,
Кричит сын:
«Прощайте!»..

Он не вернулся,
Попал под жернов.
За Революцию
Убит в Верном.

Жертвы. Сколько их было,
Трудно все перечислить,
Рабами были и быдлом,
Били нас, бить мы учились.
Резали нас огулом,
Когда мы спали, усталые,
Горели ночами аулы
В истерзанном Казахстане.
Строили мы коммуны,
Сбрасывали лохмотья,
Счастья нашего судно
Плыло ветрам напротив.
Мы выжили в лихолетье
И помним тех, кто не выжил,
Наших девчонок светлых,
Мальчишек черных и рыжих.
Они в камышах и болотах
От пуль басмачей пали,
Они закрывали дзоты,
В печах Дахау пылали.
Вот почему солдаты
Сегодня в строю суровые,
Наша живая память —
Раны родной Родины.
Мы, ныне живущие, помним,
Как с нами враги обращались.
И быть сегодня спокойным
Нельзя, товарищ!

2.

КНИГАМИ нагружен,
Упаду вот-вот,
Жарой измучен,
Вхожу в метро.
Ура, эскалатор,
Я как на дельфине,
Жары экватор
Вверх сдвинут...
Летит электричка,
Ветры гонят

И привычно
Земля стонет.
Вот и станция,
Чертог синий,
Кружился б в танце
Здесь с богиней.
Проспект Маркса
Сзади остался
Машины на площади —
Смотреть жутко:
Едут США и Польша,
Индия и малютки
Всякие Люксембурги,
Недруги и други.
Чем ближе к Кремлю,
Тем строже, строже
Становятся люди
И мне тревожно.
Площадь.
Брусчатка
Синяя кожа

Шаги
идуших
глушит.
Идут с Поволжья,
с Сахалина,
с Кушки.
Вдоль стены
Ели дымятся,
В них
прячется тишина.
Здесь не одна
нация,
Здесь не одна
страна.
У Мавзолея — тысячи
серьезных,
строгих,
мыслящих!
Сюда приходят вожди,
Лидеры и премьеры,
Восток без паранджи,
Запад без изуверов.
Сюда приносят венки
Главы делегаций,
Здесь когда-то Пекин
В верности клялся.
А сейчас натужно
Бесится в нем орава,
И, отведав душу, ужинает
Идеями Мао...
Не пирамида Хеопса —
Символ власти, давления,
Мавзолей невелик ростом,
Но в нем — Ленин,
И длинношеих туристов
Здесь как обычно много,
Но здесь больше поистине
Идуших светлой дорогой.
Здесь кланутся
все восстания,
Все революции,
все испытания.

3.

Вечер. Поздно.
Я не ушел.
С самим собой
разговор не окончен.
Руку кладет
мне на плечо
Старушка с виду
строгая очень.
— Мне любопытно,
почему, послушай,
ты не ушел?
Здесь что-то
не то.
Стоишь один
мрачнее тучи,
Скажи, ты кто?
Одни приходят
сюда очиститься,
Другие вспомнить
молодость века.
Может быть
ты внук искровца,
Ленину близкого
человека?
Были такие
в те бурные годы.
К примеру, мужа
Ильич ценил.
А он был к себе
как Бабушкин строгий,
Зря не тратил
чернил.
То время, сынок,
было века младенчество,
Чуть раньше Горький
хотел сказать:
«Ленин — Данко
всего человечества».

Старушка кивнула,
И мы пошли.
Витрины с тьмою
спорили.
На площади
каждый камень в пыли —
Как буквы
в книге истории.
— Ты сам-то откуда? —
спросила меня
Старушка, входя
в темный подъезд.
— Алма-атинец.
Как от огня
отшатнулась она,
замахала — нет, нет!
— Сын мой погиб там.
Не все ли равно,
Он был горяч,
мой Костя.
Я знаю, что сын мой
вновь и вновь
Пал, как те
двадцать восемь,
Пал как Матросов,
Погиб как Муса,
Любил он такую
как Зоя!..
За Родину жизнь
не отдать — нельзя,
И прятаться
от ее зова.

4.

В комнате тикали ходики,
Было в ней тесно вроде бы,
Коща дремала на койке,
Старушка варила кофе...
В каждой квартире,
пожалуй, есть
Пухлые фотоальбомы,
В каждом альбоме не перечесь
Родственников и знакомых.
Но мне подала, развернув
— платок,
Старушка ветхий картон.
Взглянул я, и —
сдержаться не смог,
Не смог подавить стон.
Старушка не знала причины
тому.
Улыбка исчезла с лица,
И вдруг заплакала. Почему?
Я разве похож на отца?
Я узнал его по глазам,
Хотя и усы, и крест.
Хотя... погиб за Казахстан,
Отец — защищая Брест...

Стою у окна.
В прожилках огней,
в рекламных росчерках
улицы.
Смотрю из окна
на Мавзолей,
Эта ночь не забудется.
За жизнь Родины —
кровь до капли!
Вопрос ясен и прост.
Я за нее пойду
в атаку
Только во весь
рост!
Мы молодые,
за власть Советов
Не дрались, досадно —
нет слов.
Но наши отцы,
участников дети,
Нам вручают весло.
И что нам
подводные камни,
Ведь небо —
шаловное от чаек!
Парусник юности
славный
Плывет, за все
отвечая.

ПЛОЩАДЬ

(РАССКАЗ)

ЕСЛИ оглядеться — то впереди,
по сторонам вправо и влево
часто-часто вспыхивают трепетные
огоньки. Короткое бледное пламя
остро сверкает в помраченном возду-
хе. Это предвестие смерти обшир-
ным гибельным полукольцом, переме-
жаясь, безостановочно вспыхивает
и вспыхивает.

Матвей чувствует, как его тело,
руки, ноги, голова, как бы оставив
разуму соображать общее направле-
ние боя, начинают действовать само-
стоятельно, неуловимо стремясь
вперед.
Сквозь ближайшую траншею не-
сколько часов назад прошла наша
штурмовая рота. Теперь в траншее —
немцы. Что-нибудь слышать здесь
невозможно, работают только глаза.
Почти скрепя краем каски по земле,
Матвей, не останавливаясь полз, вы-
бирая такой путь, чтобы он проле-
гал там, где меньше вонзаются в
землю осколки, где не бороздят ее
пули.

Собственно, разве можно еще на-
зывать землей это смертью напо-
ленное пространство, сплошь зава-

ленное изувеченными человеческими
телами, обезображенное глубокими
дымчящимися ямами, куда, скаты-
ваясь, падал солдат за солдатом,
чтобы спастись от прицельного не-
мецкого огня.

МАТВЕЙ знал: товарищи идут в
атаку неподалеку. Ощущение то-
варической поддержки, чувство, что
в нужную минуту они окажутся
именно там, где надо, возникло
как раз потому, что пока Матвею
все удавалось. Один раз немецкий
пулеметчик чуть было не опередил
его. Перебираясь из ямы в яму,
Матвей заметил совсем недалеко от
немецкой траншеи полубогоревший
танк — плотный, темно-коричневый
дым медленно сполз от башни к гу-
сеницам. «Добраться до этого тан-
ка — от него можно рвануться к
траншее». По дороге нанюхавшись
прижимался к земле поваленный бето-
нный столб. Матвей, находясь в бли-
жайшей к столбу яме, подобрался к
ее краю, сжался, повернулся на бок,
чтобы удобнее было выбраться,
оглянувшись сапогами в расползающиеся
сухие комки земли. Выскочил и по-

бежал, с огорчением чувствуя, как
гудящие, нагруженные ноги не пру-
жинят, почти негибаются, а твер-
до-твердо, причиняя боль всему те-
лу, ударяются на бегу о твердый,
опаленный огнем грунт.

Тут-то и заметил его растороп-
ный немецкий пулеметчик. На мгно-
вение возникло над траншеей напря-
женное лицо в чужой каске, прики-
ло к стволу, готовое покончить здесь
жизнь Матвея Черноталова. На сча-
стье, метра два оставалось до спаси-
тельного столба. С силой метнул
свое тело Матвей на землю за
столб, почувствовал, как глухо и
больно что-то прикоснулось к его
каске, и прикинул лицом к асфальто-
вому крошеву, испытывая боль во
всем теле от падения. Каска вдави-
лась в надбровье. Он не видал, как
из соседней ямы, воспользовавшись
увлеченностью немецкого пулеметчи-
ка, Гаврила Фандыкин послал в
траншею гранату. Послал точно —
там не было сейчас ни пулемета,
ни лица в чужой каске. Матвей про-
гоolz до конца столба, вспомнил о
пулеметчике, который только что не
убил его, но все-таки выглянул, пред-
варительно кругом осмотревшись...

ВПРАВО от Матвея в укрытиях
виднелись поблизости серые
стальные пятнышки солдатских кас-
сок. Влево с понижением орудийным
стволом потихоньку дымил танк, на
люка свесился танкист, ветер вски-
дывал ключья полусгоревшей гимна-
стерки. Матвей вновь прижался

спиной к столбу, установив в
землю для крепкого упора приклад
автомата. Вновь мгновенно, легко
приподнявшись, он бегом бросился,
почти не пригибаясь к танку. По не-
му не стреляли. Он опустился рядом
с повисшей в воздухе и раскачиваю-
щейся гусеницей. От металла пали-
ло нестерпимым жаром, запах сго-
ревшего масла жег ноздри.

Он поднялся одновременно. Под-
бежали к траншее. Высокий, худой
немец аккуратно, размеренно пово-
рачивал к нему автомат. Сапогом
Матвей ударил по стволу, не удер-
жался, прыгнуть ладно не удалось,
нога заскользила, сорвалась с края
траншеи, падал он неловко... Авто-
мат выпал, потому что он от локтя
выбросил руку вперед, зацепился за
противоположный край траншеи. И
вот они оказались лицом к лицу —
враги. Немец уже поднял руки, что-
бы отчаянно вцепиться ему в горло.
Чтобы сподручнее было выхватить
нож, Матвей быстро опустил го-

лову, ударил немца в грудь. Тот,
отшатнувшись, вновь двинулся на
Матвея. Однако нож уже прорвал
гимнастерку немца и вонзился глу-
боко-глубоко, так глубоко, как мож-
жет вонзиться его одна ненависть.

Напуганные жестокой беспощад-
ной схваткой, немцы ушли из остав-
шихся перед зданием траншей. Он
вновь стал ожесточеннее — немцы
уже не боялись задеть своих. Но
выбрав просвет, Матвей и его рота
взлетела на ступеньки, пробежала
мимо поваленных тяжелых парадных
дверей и в полусумраке завязала
новый бой, стремясь на выручку
тем, кто три часа был оторван от
наших, но все эти три часа настой-
чиво, расчетливо умело сражался с
врагом, выбивая его из здания, за-
гоняя в подzemелье, приближая час
победы...

Т. ФРОЛОВСКАЯ.

Редактор Ю. А. КРИКУНОВ.